

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІХ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

I. Х.Пэрлээ. Халхын шинэ одсон цааз эрхэмийн дурсгалт бичиг
(Вновь открытый памятник халха-монгольского права). - М.Н.
Т. VI, ф. I, Улаанбаатар, 1974, с. I-II4.

М.И.Никитина

ОБ ОДНОЙ ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ РИТУАЛА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ОБЩНОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В КУЛЬТУРАХ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В сообщении рассматривается одна из разновидностей ритуала, отражающего начальные эпизоды мифа о Женщине-Солнце и ее родителях, который, как мы предполагаем, был актуален для древней культуры Кореи, Японии, Китая и ряда других стран. В мифе пара родителей - Черепаха и Змей/Дракон, живущая в море, зачинает Дочь-Солнце. Черепаха выплевывает ее, взрастив в своей голове в качестве предмета - красной яшмы, цветка, жемчужины и т.д. Это - этап предварительного рождения солярного божества.¹

В дальневосточной культуре существует также "мужская" параллель этому мифу: те же родители производят на свет мужское божество вначале в качестве предмета - бамбука, железной палки и т.д. Взаимоотношение этих двух вариантов мифа в настоящее время не ясно - входят ли они в состав единого мифа (? мифологического цикла), предусматривающего рождение брата и сестры, или это независимые, но сходные мифы? Нет достаточной ясности и в том, что за божество рождается в мужском облике - солярное, лунное или божество злаков, поскольку имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать любое из этих предположений. Во всяком случае, мужское божество в ритуале рождается по тому же "сценарию", что и Женщина-Солнце. Оба варианта мифа сохранились только в ритуале, представленном множеством разновидностей. Так, в роли Родительницы-Черепахи могут выступать гора, скала, остров, корова, поле, дорога, мост, храм и т.д. В роли Отца-Змея - старец-жрец в одежде нищего, молодой монах, меч, пояс и т.д. Производительный же акт в числе прочего может реализоваться в фиксированном шаге жреца, наступающего ногой на вершину скалы, ступающего по середине дороги и т.д., воплощающего в этот момент одноногого бога (Змея). Отсюда значимыми оказываются ступня жреца, след, ею оставленный, сапог или иная обувь. Именно эта разновидность ритуала и рас-

смачивается в данном сообщении.

На корейском материале она выявлена в буддийской легенде о двух подвижниках по имени Нохыль пудык и Тальдаль пакпак, помещенной в "Самгук юса" (1285), события которой помечены УШ в. В ней приводится описание ритуала перехода верующего в состояние будды, в основе которого (под буддийским наслоением) лежит архаический ритуал зачатия Женщины-Солнца и ее младшего брата и их рождения.² Здесь производительный акт реализуется в прикреплении жрецом своей туфли к вершине горы, представляющей Родительницу. В эпизоде рождения участвуют буддийские божества, которые наложились на персонажей мифа: на Черепаху – Авалокитешвара (кор. Кваным), на Женщину-Солнце – Майтрейя (кор. Мирык), на брата Женщины-Солнца – Амитаба (кор. Амитха). В сумме оба эпизода свидетельствуют о том, что пара родителей в ритуале может иметь следующее воплощение: Авалокитешвара-гора/животное + туфля жреца. Результат проведения ритуала – появление божеств Солнца и Луны.

О наличии аналогичного ритуала в японской культуре, также подвергшегося буддийскому воздействию, свидетельствует современный японский материал. Так, в журнале "Фото-Япония" помещен снимок гигантской сандалии из соломы, снабженный следующим текстом: "Гигантская соломенная сандалия, которая была распространенным видом обуви в древней Японии, сплетена в ознаменование 1350-й годовщины одного из токийских храмов. Над изготовлением декоративной сандалии, длина которой 4,5 метра, целый месяц трудились 20 фермеров из северной Японии".³ Здесь имеется в виду храм Сэнсō-дзи или Асакуса-дэра, основанный в 628 г. в связи с тем, что, как гласит легенда, в море нашли изображение Авалокитешвары (яп. Каннон).⁴ На основе этого сообщения мы не можем судить, с рождением какого именно добуддийского божества связывался ритуал храма Сэнсō-дзи, однако вывод о том, что в качестве его "родителей" в нем выступала пара Авалокитешвара-храм + туфля жреца, сделать можно. Несмотря на краткость, текст дает достаточно информации, чтобы отметить общность данной ритуально-мифологической ситуации с корейской (перемещение сандалии с севера на юг, ее размеры, срок изготовления, количество участников).⁵

Сходного типа ритуал можно выявить и в китайской культуре. Повидимому, именно он (под даосским наслоением) лежит в основе канвы жизнеописания Чжан Ляна (ум. в 189 г. до н.э.), советника основателя династии Хань – Гао-цзу, приведенного в "Цянь Хань шу" (I в. н.э.). Чжан Лян после неудачного покушения на Цинь Шихуана бежит и скрывается в Сяпэе (совр. пров. Цзянсу), изменив

фамилию и имя. Там однажды он прохаживался по земляному мосту и "тут объявился некий старец, одетый в холстину, который поравнялся с Ляном, уронил свои туфли под мост и попросил Ляна: "Мальчик, спустись и возьми туфли". Лян был ошеломлен и хотел поколотить его. Однако, поскольку имел дело со старцем, сразу пересилил себя, быстро спустился вниз, взял туфли и тут же, преклонив колени, преподнес ему. Старец сунул ногу в туфлю (бухв. : ногой принял ее), улыбнулся и ушел. Лян остался в недоумении. Старец же, пройдя ли, вернулся и сказал: "Тебя, мальчик, можно учить. Условимся с тобой встретиться на этом месте на рассвете через пять дней". Здесь Лян пришел в полное изумление, преклонил колени и произнес: "Согласен". Через пять дней на рассвете Лян пришел, а старец, уже бывший там, в гневе сказал ему: "Со старцем договорился, а опаздываешь! Почему?! Иди и через пять дней явись пораньше на свидание!" Через пять дней Лян пришел с петухами, а старец и на этот раз, опередив его, уже был здесь и снова в гневе выговаривал: "Почему опоздал? Ступай и через пять дней снова приходи пораньше!" Через пять дней Лян пришел среди ночи. Вскоре подошел и старец и, довольный, произнес: "В таком случае следует вручить книгу на бамбуке". И добавил: "Как только прочтешь, непременно станешь наставником государя. Пройдут десять лет, завершатся тринадцать, и тогда мальчик увидит меня. К северу от реки Цзи, под горой Гучэн (бухв. : Город, в котором зерно - желтый камень. Это буду я сам". И затем ушел, не оглядываясь".⁶

Слова старца сбываются. Чжан Лян становится советником Гаоцзу, в указанное время переправляется через реку, находит у подножья горы желтый камень, берет его, поклоняется как драгоценности и умирает.

Сцена на мосту - описание ритуала зачатия и рождения ученика, превращения его в мудреца, обладающего высшим знанием, ритуала, за которым, по всей вероятности, кроется миф о рождении солнечного божества или божества злаков/растений. Вспомним, что мост - одно из воплощений Родительницы-Черепашки, что роль Отца в ритуале может исполнять старец в бедной одежде. Таким образом, с появлением на мосту, где находился Чжан Лян, старца, одетого соответствующим образом, на месте оказываются все персонажи мифа-ритуала: Мать, Отец и Сын. Остается начать действие. Что и предложил старец, обратившись с просьбой к Чжан Ляну и назвав его мальчиком (кит. жуцзы). С точки зрения профанической он тем самым наносит оскорбление Чжан Ляну, взрослому человеку, более того - геров. С точки зрения сакральной он на время ритуала пре-

вращает Чжан Ляна в мальчика, которому предстоит родиться взрослым, а себя - в его отца. Нанося оскорбление, старец испытывает Чжан Ляна на умение владеть собой, обуздывать свои порывы. Не понимая существа происходящего, т.е. оставаясь чуждым сути ритуального, сакрального смысла действий старца, Чжан Лян, тем не менее, принимает соответствующий код, выключившись усилием воли из хода событий, подчиненных профанической логике. Согласно Чжан Ляна выполнить просьбу старца означает, что ритуал начался.

Спускаясь вниз, "мальчик" погружается в состояние смерти-зачатия. Зачал же его старец-жрец, наступивший во время ритуала ногой, обутой в туфлю, на поверхность моста. Т.е. родители в ритуале - мост + жрец/туфля. Возвращаясь и помогая старцу надеть туфлю (букв. : преподнося туфлю) "мальчик" тем самым признает за ним функции "отца", т.е. "рождает" его в качестве "отца". Производительный акт повторен трижды, как это и предусматривается соответствующим типом ритуала.⁷ Второй и третий раз это совершается во время повторных встреч на мосту, когда старец бранит Чжан Ляна за опоздание. (Как известно, инвектива в мифологическом слое представлений у аграрных народов связана с производительным актом).⁸ Затем с вручением текста-бамбука происходит предварительное рождение "сына" в стадии "предмета" (текст-бамбук).⁹ Окончательное же рождение "сына" наступит по прочтении врученной ему книги, с вступлением в должность наставника государя. В момент смерти "сын" воссоединится с "отцом" (желтый камень) и "матерью" (гора-амбар),¹⁰ переправившись к ним по воде, чтобы, согласно мифу и ритуалу, вновь быть зачатым ими, вновь родиться и вновь умереть и т.д.

Не случайны здесь и пятидневные интервалы. "Пятерка" в данном круге представлений - мужское число, "тройка" - женское. Сумма ("восьмерка") или произведение этих чисел (пятнадцать) имеют семантику соединения женского и мужского начал.¹¹ Не исключено, что и в приведенном выше японском примере за счет размера сандалии кодируется число 15. 4,5 м. могут равняться 15-ти сяку. Именно этой мерой по преимуществу, согласно "Кодзики" (712), оперирует японский солярный миф и ритуал. (Сяку в наши дни равно 30,3 см.; величина этой меры в прошлые века колебалась).

Как нам представляется, рассмотренный материал подтверждает предположения о том, что в мифологических представлениях народов стран Дальнего Востока существует общий слой, связанный с кругом мифа о Женщине-Солнце и ее родителях.

-
1. Полный текст мифа, его реконструкцию и различные ритуальные воплощения см.: М.И.Никитина Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982, с. 91-176 и др. Далее - Никитина.
 2. Легенда в связи с мифом рассмотрена в ст. М.И.Никитиной. Об интерпретации одной буддийской легенды из "Самгук юса" (в печати).
 3. "Фото-Япония". 1979, № 12, с. 32.
 4. Автор приносит благодарность В.Н.Горегляду за отождествление храма.
 5. О значимости в корейском ритуале линии север-юг, о коллективных вариантах ритуала, в которых число жрецов равно (или кратно) десяти, о роли "пятерки" в наборе жрецов и т.д. см. Никитина, с. 18, 123 и др.
 6. Бань Гу. Цянь Хань шу (История Ранней Хань). Серия "Сыбу бэйяо". Т. 16. Шанхай, 1936, цз. 40, с. 16-26 и др.
 7. О тричности акта в круге мифа о Женщине-Солнце см. там же, с. 115 и др.
 8. Фрейденоберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936, с. 108.
 9. О вручении предмета как знаке рождения на примере ритуала поднесения цветов госпоже Суро см. Никитина, с. 115 и др.; о бамбуке как сыне в стадии "предмета" см. там же, с. 100-102 и др.
 10. Обращает на себя внимание сходство истории камня в жизнеописании Чжан Ляна и э известном китайском романе XVIII в. "Сон в красном тереме". О связи такого рода сюжета с кругом представлений о Женщине-Солнце см. Никитина, с. 260.
 - II. О семантике чисел в круге представлений о Женщине-Солнце см. там же, с. 253 и др.; о семантике в ритуале полнолуния, т.е. 15-го дня лунного месяца в связи с зачатием см. там же, с. 73.

Посова Т.К.

БХАГАВАТА-ПУРАНА О КУЛЬТЕ БОГИНИ-МАТЕРИ.

Культ богини-матери, уходящий корнями в верования аборигенного населения Индии, волился в русло ортодоксальной традиции (ведущей свое начало от брахманизма) и стал важной составной частью раннего индуизма. Однако из ранних свидетельств культу богини-матери, как он был известен во времена становления вишнуизма, содержится в легенде о подвижнике Бхарате в Бхагавата-пуране